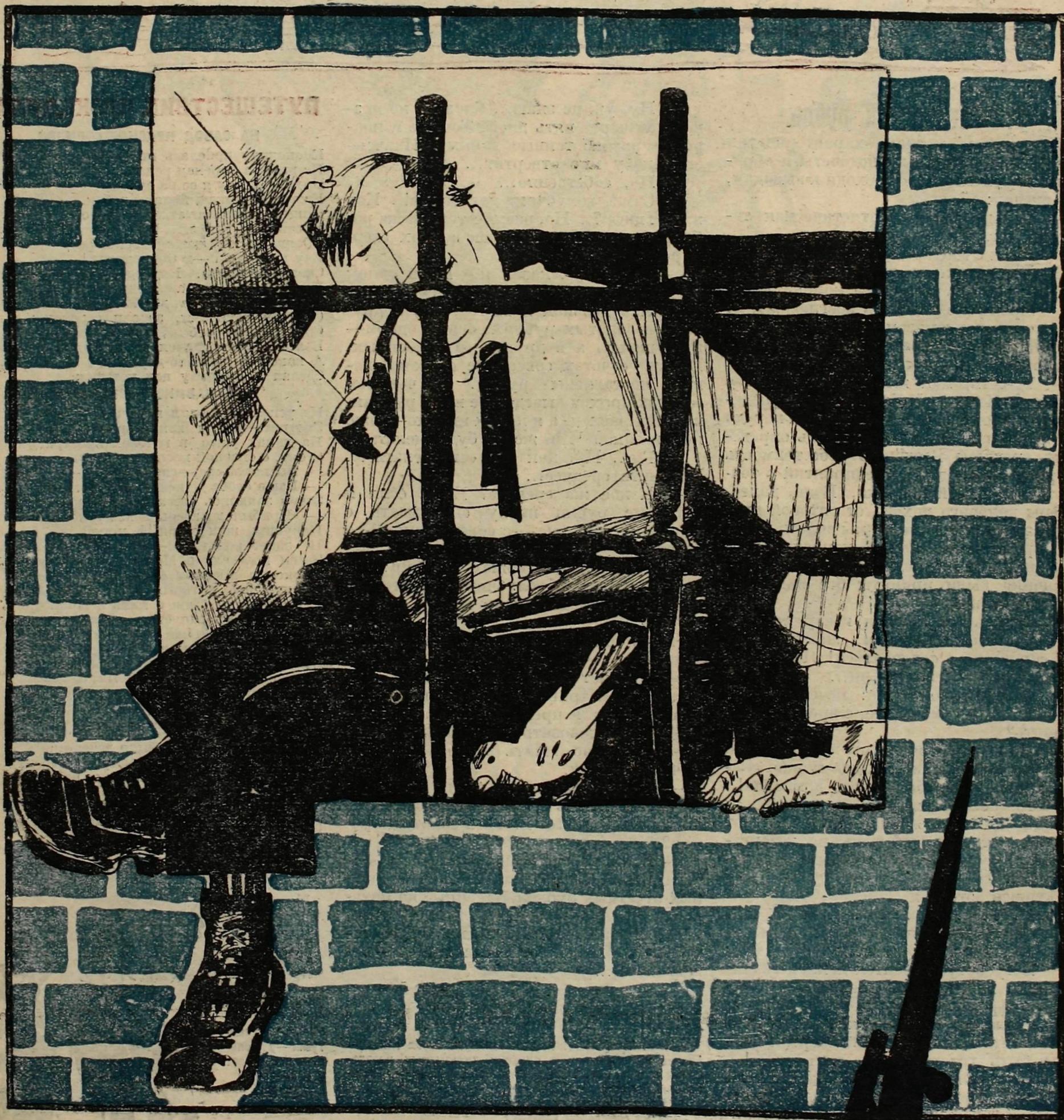

КРОКОДИЛ

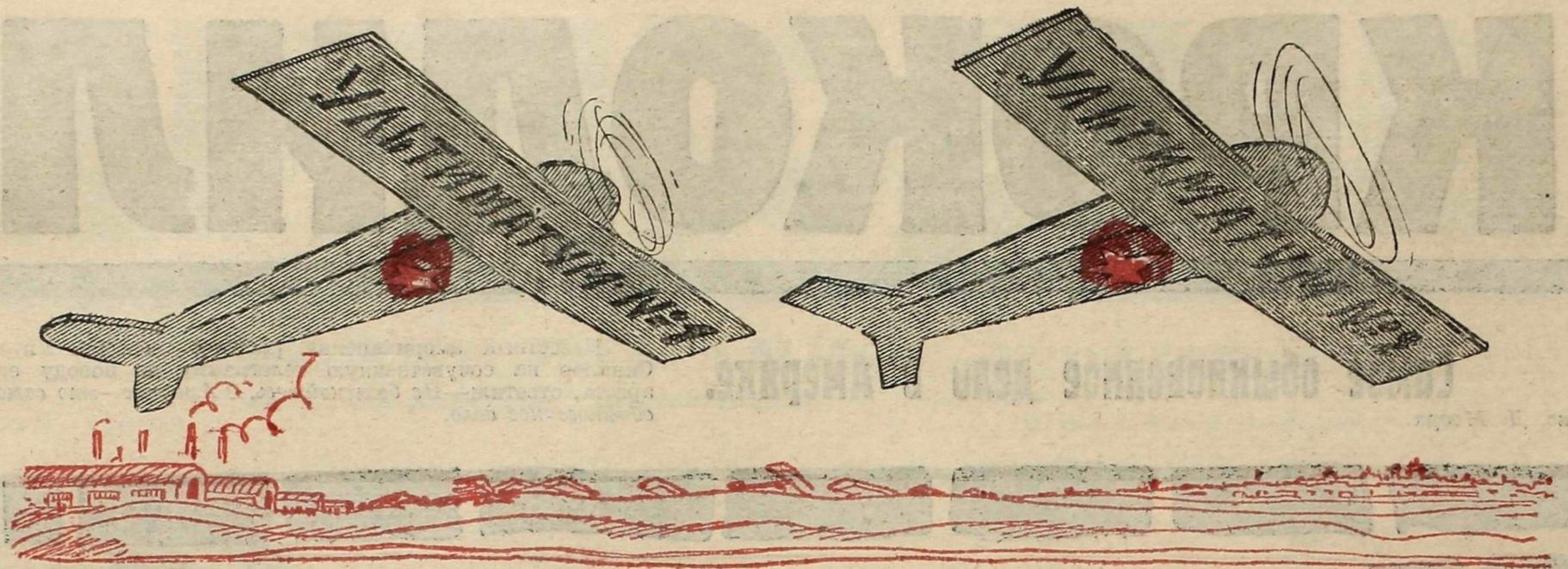
Самое обыкновенное дело в Америке.

Рис. Д. Моора.

Известный американский рабочий писатель Уитон Синклер на сочувственную телеграмму по поводу его ареста, ответил:—*Не беспокойтесь. В Америке—это самое обыкновенное дело.*

ПИСАТЕЛЬ СИНКЛЕР:—Америка—страна капиталистов. Я пишу правду о капиталистах. Они сажают меня в тюрьму. Самое обыкновенное дело! Я кричу! Или вы думаете что за правду капиталисты будут меня чествовать?

Статистический рубль.

Докладчик метко охарактеризовал положение, указал на недочеты и обрисовал перспективы. Переходя к выводам, он сказал:

— Передо мною—статистическая таблица, наглядно показывающая...

— Шиш с маслом она показывает!.. громко сообщил кто-то с места.

Председатель взялся за колокольчик:

— Прошу не издавать возгласов и не вносить дезорганизации!

Докладчик приостановился и удивленно поднял брови:

— То-есть, как же это так—шиш с маслом? Язык цифр ясен, точен, убедителен и неопровержим! Лежащая передо мною таблица дает возможность определить среднюю месячную себестоимость по ряду однородных предприятий с точностью до одной копейки. Взяв, далее, цифры валового дохода от оптовой продажи за отчетное время, мы видим, что...

Собрание отнеслось к докладу одобрительно (аплодисменты). Тезисы докладчика были приняты без поправок и возражений.

Расходясь, слушатели говорили:

— Собственно говоря, знаете ли, невозможно не согласиться! Язык точных цифр—это, знаете ли...

— Совершенно верно: нечем крыть! Нельзя же, в самом деле, с арифметикой спорить?

— По крайней мере, мы имеем теперь ясное представление... Одно можно сказать: побольше бы таких докладов!..

Этого общего мнения не разделял только один-единственный человек: тот самый, который чуть-чуть не дезорганизовал собрание неуместным возгласом с места.

Человек этот—я.

С неделю тому назад зав нашим отделом вызвал меня к себе и заявил мне:

— В субботу состоится доклад т. Лидочкина. Необходимо снабдить его точными цифрами. Отложите все остальное, но сводки по отчетности всех наших предприятий за последний квартал должны быть готовы через пять дней!

— Но...—сказал я.—Как же быть-то, все-таки? Ведь, из шестидесяти семи предприятий отчеты представлены только четырнадцатью?

— Ну, уж не знаю... Словом, не позже, чем через пять дней. Точные и подробно разработанные данные! Иначе—он голову мне отвертит...

— Но, собственно...

— Сами, голубчик, понимаете!.. Как же без цифр?.. Но, разумеется, ваша работа будет оплачена выше всяких сверхурочных...

— Хорошо,—сказал я.—Но в одном из четырнадцати отчетов все суммы показаны в дензнаках 22-го года, в другом—в золотых рублях, еще в одном—в ситцевых, а в других—в довоенных. В пяти отчетах совсем не сказано, какие поставлены рубли. В четырех отчетах приход выведен не в тех рублях, в каких расход, а в каких именно—тоже не сказано. Что же я буду делать?..

— Гм... Ну, как так «что делать»?.. Возьмите среднее...

— Какое же среднее? Ведь, если я ситцевые рубли начну складывать с золотыми, золотые—с советскими 21-го советские—с неизвестными, то...

Зав нетерпеливо пожал плечами:

— Я понимаю, голубчик, что это нелегко... Но ведь нужно же!

Через пять дней работа была закончена.

— Ну, вот и отлично!—сказал зав, бегло просматривая мои таблицы и выкладки. Вот и прекрасно... Много пришлось вам повозиться над этим?

— С полчаса... Пять вечеров, то-есть и четыре ночи.

— Д-да, сложная, очень сложная штука! Гм!.. Тут у вас даже с точностью до копеек.. А этот итог—в золотых рублях?

— В статистических,—сказал я.—Четырнадцать слагаемых из разнородных отчетных рублей, деленные на пятьдесят три безотечных предприятия, могут дать в частном только статистический рубль! Но это, если хотите,—между нами...

Грамен.

С ГОРЯ.

—Иван Трофимыч! Грустно мне на тебя глядеть. Пьешь ты самогонку и никаких культурных развлечений у тебя нет. Ты бы хоть газетку выписал, журнальчик купил.

— Дорого! Денег не хватает.

— А на самогонку хватает?

— Так это я с горя, что газеты очень дороги.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРОКОДИЛА

НА ЗАВОД КРАСНОЕ СОРМОВО.

Крокодилу приелась московская нэпа—
Не нэпа, а пареная репа!
Пудами кладу я ее на зубок.
Ежечасно тыкаю вилами в бок.
Пищей одною питаться не дело.
Противно. Тошнит. Надоело.
Объявляю передышку москвичам,—
Еду в Нижний—к Сормовичам!
Сказано-сделано. Крокодил на вокзале.
Переполюх в пассажирском зале.
Увидав Крокодила, два нэпача,
Схватив чемоданы, задали стрекоча:
Спекулянты разбежались проворно,
Взяточник спрятался в... дамской уборной;
А какой-то железно-дорожный царек
Сделал Крокодилу под козырек.

НАНАВИНСКИЙ ВОЗЗАЛ.

Не успел Крокодил протереть глаза,
Смотрит—вокруг вокзальная администрация.
На лицах ужас, в головах прострация.
Стоят, с опаской косясь на дверь.
— Вы какой-же,—спрашивают,—зверь?
— Ваша особа де лоре иль де факто?
Затем занялись составлением акта:
— «Прибыл де зверь неизвестно какой.
Нарушил наш мирный покой.
Не знает родителей—ни папы, ни мамы...
Затем полетели в Москву телеграммы.
Крокодил прервал смеотворный сеанс.
Двинувшись в гостиницу «Ренессанс».
У гостиницы были и мама и папа.
Здорово здесь запустили арапа.
С приезжих сдирали по восемь шкур.
Крокодил не нэпанам и не собура.
Щелкнул зубами, потыкал вилами
В хозяина ставшего унылым,
И двинулся из гостиницы на пароход,
На котором и прибыл в

СОРМОВСКИЙ ЗАВОД.

Прибытие в Сормово было вечером.
Оказали Крокодилу «жаркую» встречу.
Завкультотделом был парень не глуп:
Повел Крокодила сначала в клуб,
А затем зная нрав Крокодилов ране,
Пригласил попариться в бане,
Где была африканская жара.
Попарившись Крокодил заснул до утра.
(Продолжение см. на стр. 6).

Рис. Д. М.

АНТАНТА.—
Четр возьми
этого Нерсона!
Если он так
часто будет по-
сылать ультима-
тумы—у боль-
шевиков будет
пол-сальный
воздушный
флот!

Фoш на пpaктических работах.

(См. предыдущий № „Крокодила“).

Польскими фашистами брошена бомба в Варшавский университет.

Фoш—избран почетным лектором этого университета.

Рис. Ив. Малютин.

Фoш (польским студентам). — В прошлом № «Крокодила» я прочел вам вслух лекцию. Теперь вы видите, как надо работать с динамитом. Вы берете бомбу и в один момент уничтожаете такое вредное учреждение, как университет... Кстати замечу, что в С. С. С. Р. очень много красных университетов...

ГИБЕЛЬ АЛЕКСАХИНА.

(Рассказ).

Уполномоченный «Юг-Зерна» Алексахин первые после НЭП'а приехал в Москву. Харьков—хороший город, но разве можно сравнить Харьков с Москвой? Здесь Большой театр, здесь целый букет студий, Идес Мейерхольд с «Рогоносцем», Здесь голый Голейзовский, полураздетый Мастфор и другие, другие, другие! Здесь кабаре, рестораны и кафе с танго, фокстротом и такими номерами, о которых в Харькове и не мечтают. А пивные? С красными раками, с сосисками, с мятными сухариками, с моченым соевым горохом, с русскими хорами: «Жили двенадцать разбойничков...» или «Пельсины—лимоны хороши...»

А кино, с картинами, где сорок семь убийств и сорок шесть воскресений? А цирки? А казино?

Неудивительно, что Алексахин дал себе по приезде три дня на осмотр московских примечательностей и не удивительно, что три дня гостянулись в целую неделю...

— Завтра,—нужно приняться за дела — думал Алексахин, намечая самые срочные посещения:—Сначала в ЦУЛП, потом в Гум... потом... ну, пожалуй, на завтра и хватит...

Уходить из ресторана не хотелось. Скрипки что-то нежно ворковали на эстраде, и в уголке

рядом с пышным зеленым лавром было очень уютно. Две веселые парочки улыбались друг другу напротив и лакеи летали, как ласточки. После сытного ужина и бутылки мадеры (из подвалов Армении, старая) было трудно вдруг встать и уйти.

Но было нужно. Алексахин допил стаканчик сельтерской, расплатился и в раздевалке, стряхивая пушинки со своего нового английского пальто, тихонько подпевал оркестру, лоя издали чуть слышные рулады скрипок.

Выйдя из ресторана, Алексахин задумался:—наять извозчика или пойти пешком? До дому всего два квартала, а ночь после дождя светла, тепла и влажна.

— Пойду!

Но не успел Алексахин сделать и двух шагов, как чьи то руки трянули с силой за плечи и две фигуры выросли: одна под носом, а другая сзади

— Попался, наконец, голубчик!

— Следуйте за нами, гражданин Гребцов!

— Куда? Зачем? Я вовсе не хочу! И я—не тот! То-есть я не Гребцов... Я Алексахин!

— Бросьте ваши отговорочки! Молчать!

— Да я... вы посмотрите документы!..

— Семен, ты обыскал карманы? Да? Идите к фонарю. Наверно, липа. Ну-ка:

— «Дано спе гражданину Петру Андреевичу

Гребцову, в том что он...» Вот сволочь, и еще отшарается!

КТО-ЖЕ ПЬЯН?

Прокурор Вотской области вызвал 5 милиционеров под предлогом нападения на его квартиру. Милиционеры—ничего не обнаружили. Прокурор обвинил их в пьянстве.

Рис. Д. Мельникова.

Прокурор:—Черт возьми! Я просил прислать пять милиционеров—а тут их десять!
Милиционеры:—Я вижу двух прокуроров!—И я!—И я тоже! Сколько же их тут? —Да человек десять!

И письмо:—«Петя, друг, приезжай завтра к К. В...»

— Ну, что вы скажете теперь, гражданин Гребцов? а?

— Я... я...

— Молчать! А это вам знакомо?

Перед глазами Алексахина запрыгали буквы на маленькой, грязной записочке:

«Буду сегодня в «Рише» до конца. Следят. Боюсь, не взяли бы. Оттуда—на вокзал. Жду тебя со всеми онерами. Гр...»

Если бы Алексахин как обычно за утренним чаем у себя в номере просматривал «Известия», он прочел бы в отделе «Происшествия» такую заметку:

«Задержание авантюриста. Вчера во втором часу ночи агентами М. У. У. Р. задержан при выходе из ресторана «Риш» известный авантюрист Петр Гребцов. При арестованном найдены документы удостоверяющие личность. Задержанный Гребцов является главным участником получения трех триллионов рублей по подложной ассигновке, кроме того за ним числится еще целый ряд подлогов и вымогательств».

Но Алексахин сидел в полутемной одиночной камере и не читал «Известий». Оглушенный, убитый, расстроенный он проклинал себя и Москву с ее ресторанами и весь мир. Стараясь найти хоть крупинку ясности в опутавшей его паутине несчастий, он вдруг обнаружил: пальто—не его. Его пальто с настрочными швами, а это такое же по цвету, по фасону и по размеру, но швы гладкие.

Его приняли за кого то другого, за Гребцова, за какого-то преступника. Как теперь выпутаться? Как? Кроме дальнего родственника Пети Карпухина, живущего где-то за Даниловской заставой, у него никого в Москве нет. Но как вызвать Петю? Если бы позволили дать телеграмму в Харьков! Нет... разве позволят?!

Торговый агент Ц. У. Л. П'а, потирая руки, докладывал коммерческому директору:

— Понимаете, товарищ Пронин, замечательная сделка. Я уже и задаточек дал. Что-бы не было никаких отступлений. Договор подписан, нулевочка указана. Все, как полагается. Мы на этом деле заработаем... мм... заработаем...

— Позвольте, но ведь «Юг-Зерно», повидимому, продает прямо себе в убыток! Нельзя же пользоваться их глупостью! Ведь одни накладные расходы дороже стоят.

— Хороша глупость! Вы знаете этот их агент устроил сделку с Гум'ом—так он им еще дешевле сделал. Наши цены по сравнению с тем, что он им поставил—так это обдираловка! И он, этот Алексахин, уверяет, что еще наживет 50% чистых. Я сегодня с ним завтракал.

— Странно, очень странно. Черт с ними, нам, конечно, очень выгодно! А все-таки вы для крепости запросите сегодня телеграфного подтверждения из Харькова.

Корридорный, пришедший прибрать номер 213 после только что уехавшего жильца, увидел на столе пакет.

Рядом с пакетом лежала записочка и 50 рублей знаками 23 года. В записочке значилось:

«Гражданин корридорный!

Прошу отнести прилагаемый пакет по указанному адресу. За ходьбу—оставляю.

На пакете значилось:

«В районную милицию».

В канцелярии ЦУЛП'а барышня, сидящая на входящих, зарегистрировала телеграмму: 12372. Из Харькова.

Москва—Цулп.

Ответ ваш запрос № 496 тчк. срочно арестовать Алексахина тчк сделку—недействительной зпт повидимому афера тчк выезжает срочно член правления тчк.

Корридорный гостиницы «Лозанна» на вопрос, куда выбыл № 213 ничего определенного комиссару милиции ответить не смог, но вспомнил про письмо и вынул его из кармана.

— Вот гражданин просили передать.

Комиссар быстро разорвал пакет и прочел: — Спешу. Я не Алексахин—Гребцов. Алексахин сидит вместо меня. Я шел и разговаривал с ним вместе в «Рише», а потом взял его пальто. Он славный малый и очень похож на меня.

Трогательная предупредительность.

Рис. М. Черных.

Немецкая буржуазия просит разрешения у французских оккупационных властей послать в Рурскую область карательные отряды для усмирения рабочих. (Из газет).

Немецкий буржуй (французскому генералу Дегуту):—Вы хотите застрелить этого негодяя? Разрешите это сделать мне. Я как немец лучше знаю, куда стрелять. Кроме того это доставит мне удовольствие: я выполню свой патриотический долг!

Освободите его. Документы его я пока взял. Но потом—брошу,—все равно Алексахина будут искать за растрату: Ищи ветра в поле. Поклон М. У. У. Р.

Сейчас же после освобождения бледный, худой, издерганный Алексахин уехал в Харь-

ков. На службе ему деликатно намекнули, что с удовольствием дадут ему (для поправления здоровья) бесрочный отпуск.

Алексахин совсем стерся, съезжился, уничтожился. И если ктонибудь при нем говорит о московских прелестях—он нервно дергается и убегает вон из комнаты.

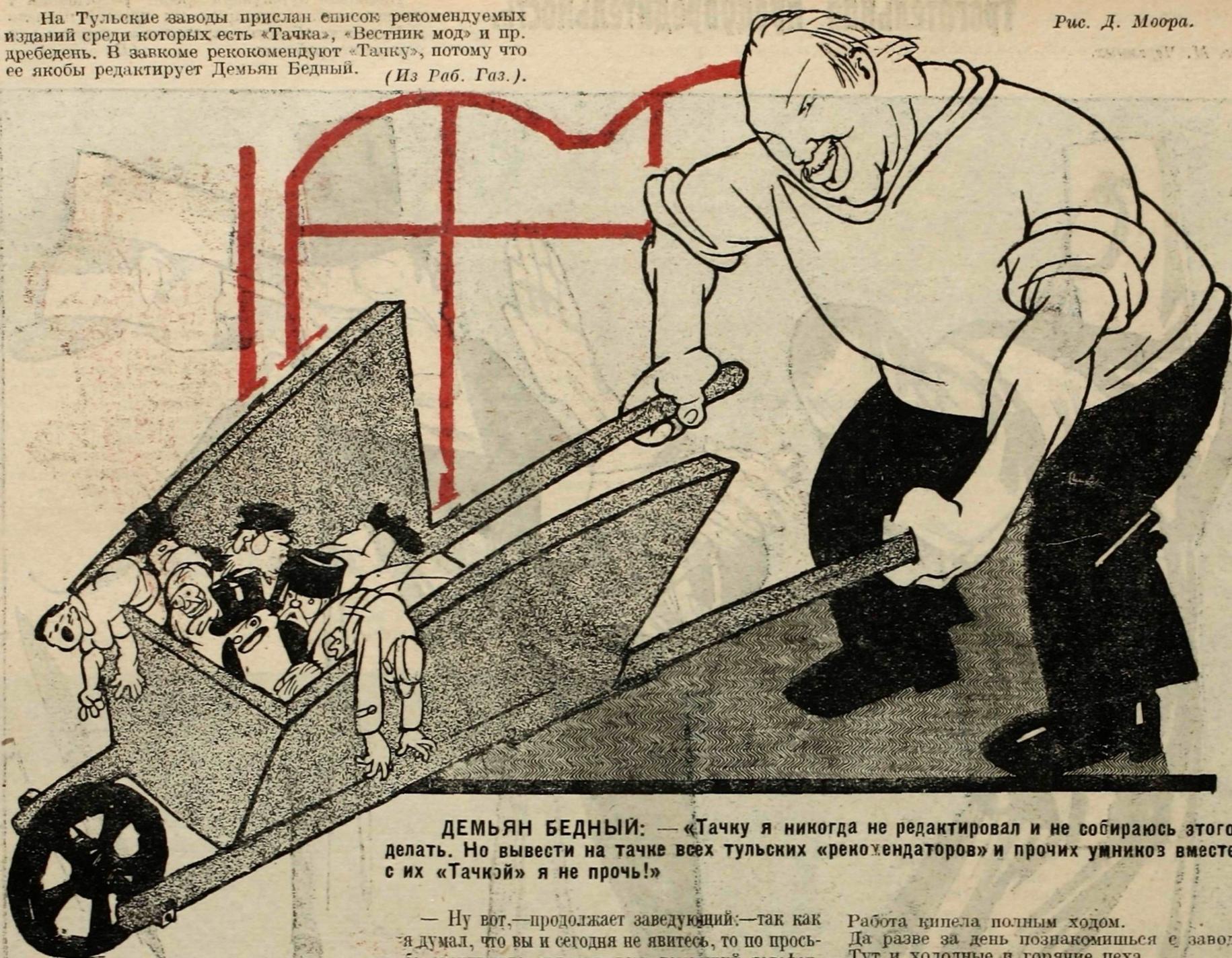
Пропал человек. И только огромные белые полотняные буквы на черной подкладке его английского пальто заставляют вспомнить, что это был когда-то харьковский делец и дэнди:

А. П. Алексахин.

Вас. Лебедев.

На Тульские заводы прислан епископ рекомендуемых изданий среди которых есть «Тачка», «Вестник мод» и пр. дребедень. В завкоме рекокомендуют «Тачку», потому что ее якобы редактирует Демьян Бедный. (Из Раб. Газ.)

Рис. Д. Моора.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ: — «Тачку я никогда не редактировал и не собираюсь этого делать. Но вывести на тачке всех тульских «рекомендаторов» и прочих умников вместе с их «Тачкой» я не прочь!»

СКВЕРНАЯ ИСТОРИЯ.

Утро. Стрелка на кремлевских часах показывает без четверти десять. Помощник заведующего Подотделом Гусев возвращается домой. Веки его опухли от бессонной ночи и пьянства. Взгляд мутен. Заплаканная жена открывает дверь, и Гусев пространно и витиевато врет:

— Видишь ли,—рассказывает он жене,—я по дороге со службы встретил Иванова. Он потащил меня к себе. И вдруг, понимаешь ли,—и Гусев пытается сообщить голосу искренние нотки:—у самого подъезда кто-то выстрелил и ранил Иванова.

Мне целую ночь пришлось возиться и с доктором и с ним,—заканчивает Гусев.

И Гусев посылает в Подотдел записку о том, что болен и явиться на службу не может, и облегченно думает:

«Пронесло».

На завтра в Подотделе неприятно поражает насмешливый взгляд заведующего.

— Вы знаете, я был совершенно болен,—начинает он.

— Знаю,—иронически отвечает тот:—знаю... Кстати, вам звонили из «Аквариума».

— Звонили,—в ужасе переспрашивает Гусев.

— Да, просили вас передать, что вы очень важный документ оставили. Уловили, что-ли! Официант говорил, что вы настолько «не в себе» были, что могли без всего остаться.

— Какой документ,—удивляется Гусев и растерянно шарит по карманам.

— Все на месте,—в недоумении бормочет он.

— Ну вот,—продолжает заведующий,—так как я думал, что вы и сегодня не явитесь, то по просьбе звонившего дал ему ваш домашний телефон.

— Кроме того,—прибавляет он,—выдержав некоторую паузу:—о ваших похождениях знает вся канцелярия, и вы сами, надеюсь, понимаете, что вам по меньшей мере неудобно у нас оставаться...

Дома Гусев застаёт бывшую в истерике жену.

— Так вот какой Иванов,—плачет она,—с хористками ночи пьянствуешь, документы теряешь.

— А я ему во всем верила,—захлебываясь от рыданий, кричит жена и начинает укладывать вещи.

— Сегодня же переезжаю к матери,—бросает она с порога спальни и гулко хлопает дверью.

Расстроенный, нервно подергивая плечами, Гусев врывается во вчерашний ресторан.

— Вы мне звонили?—накидывается он на официанта.

— Так точно,—радостно подтверждает тот:—извольте видеть, третьего дня очень вы не в себе были. Так что, по уходу вашему кругом шарил. Не обронили ли чего? И впрямь, важный документ оставить изволили.

— Какой документ, где он?—яростно требует Гусев.

— Пожалуйста,—кланяется официант и подает Гусеву вчетверо сложенную бумажку.

Гусев торопливо разворачивает и видит совершенно ненужное, прошлогоднее удостоверение Подотдела, случайно хранившееся в кармане.

Сви

ПУТЕШЕСТВИЕ „КРОКОДИЛА“.

На завод „КРАСНОЕ СОРМОВО“.

(Продолжение).

Утром дымились заводские трубы. Крокодил хорошенько почистил зубы, взял вины и отправился на завод. Совершать по цехам крокодилий обход.

Работа кипела полным ходом. Да разве за день познакомишься с заводом! Тут и холодные и горячие цеха. Между делом юлит госпожа Чепуха; То КАЛЯКАЕТ с самодельным аппаратом, То кричит на рабочих благим... матом. В электрическом цехе имеются мастера, Вспоминающие мать с утра и до утра, Своего рода патентованные спецы. С такими спецами трудно спеться. От них пожалуй получится прок. Если посадить их инструкторами в «Хуторок». Крокодил бродил по цехам горячим. Смотрит, в прокатном ребята плачут. Пить хочется страшно ввиду жары. А в кубе ни крана и ни дыры. Под кубом, грязи на пол-аршина. Какой-то танец крысиный. Словом, не куб, а кубическая ерунда. Радуйся, дево, охрана труда! Вообще на заводе плохо с охраною. Свершаются вещи довольно странные. Сказать—слова застревают в горле. У пяти паровозов монотеры сперли! Какой это вор так угодил, Не смог узнать и сам Крокодил. Много набрал Крокодил пиши. Обходил он потом рабочих жилища, Не жилища, а прямо чудеса. В квартирах рабочих словно камса, Набито, что называется, до отказа. Жаловались рабочие на эту заразу. Ругали вдоль и поперек коммунодел. А впридачу ему финотдел. За то, что когда вносится плата. За электрическую лампочку в пол-киловата. Нужно, во славу комхозовских молодцов, Сделать не менее десяти копцов: От коммунодела к финотделу, От финотдела опять к коммуноделу, Верст этак двадцать с гаком. Как в песне поется—про попа и собаку. Но чаще рабочие тыкали в точку. Именуемую «одежда в рассрочку». От рассрочки результат получился таков: Получили тужурки—остались без штанов.

Путешествие описал дежурный секретарь Крокодила Архип.

НОЧНОЙ ПАССАЖИР.

(Сценка).

Мученикам-кондукторам посвящаю.

Ночь. Поздно.

Полупустой вагон трамвая,—последний. Пассажиры позевывают.

В углу на боковой скамейке у двери грузная, сопящая фигура. Лица не видно, закрылся рукой и спит.

Идет контроль.

— Товарищи, приготовьте билеты!

Фигура начинает неспеша раскачиваться, засовывает руки в карманы брюк, пальто, пиджака и снова успокаивается.

— Ваш билет, гражданин!

Белое, большое, сонное лицо подымается на контролера:

— Билет... Я его, кажется, потерял...

И пассажир снова собирается заснуть.

— Предъявите ваш билет, гражданин!

Снова начинается лазанье по карманам брюк, пальто, пиджака и потом равнодушный, обиженный голос:

— Что вы, ей богу! Я же вам объяснил... Я потерял билет...

— Возьмите новый и оплатите штраф или я позову милиционера.

Пассажир молчит, погружаясь в дремоту. Его молчание принимают за согласие. Кондуктор ругаясь пишет квитанцию.

— Будьте добры: четыре с половиной — билет и столько же штраф — девять миллионов!

Вновь подымается большое белое лицо:

— Послушайте! Я же вам русским языком объясняю: билет я, повидимому, потерял. Что вам от меня надо? Оставьте меня в покое.

Контролер свирепеет.

— Кондуктор! Пишите талон для милиции! Сейчас передадим его первому постовому! Не желаете платить — прогуляетесь в милицию — и там заплатите!

И контролер и кондуктор оба выведены из себя. Переругиваясь в сторону пассажира, на пустой лавочке, согнувшись, пишут корешок в милицию. Шипят и пыhtят. Трамвай трясет и писать трудно.

Пассажир открывает один глаз, потом другой, долго смотрит с беспокойством на ревнителей закона и, наконец, спрашивает с видимым любопытством: — Не только такую!

— Что это вы там пишете?

— Дурачком притворяется! Небойсь, в милиции не так запоешь! Учить вас надо!

Пассажир забеспокоился совсем:

— Да вы чего собственно от меня хотите? Вам что нужно?

— Штраф нужно! Не хотите платить — так извольте прогуляться!

— Сколько?

— Девять миллионов.

— За что?

— За то, что без билета едете!

— Как без билета?

Пассажир подымается, снова усиленно роется в карманах и наконец из-за подкладки пальто вытаскивает отдувая билет:

— Смотрите, этот что ли? А то у меня еще есть.

— Какого же вы чорта!..

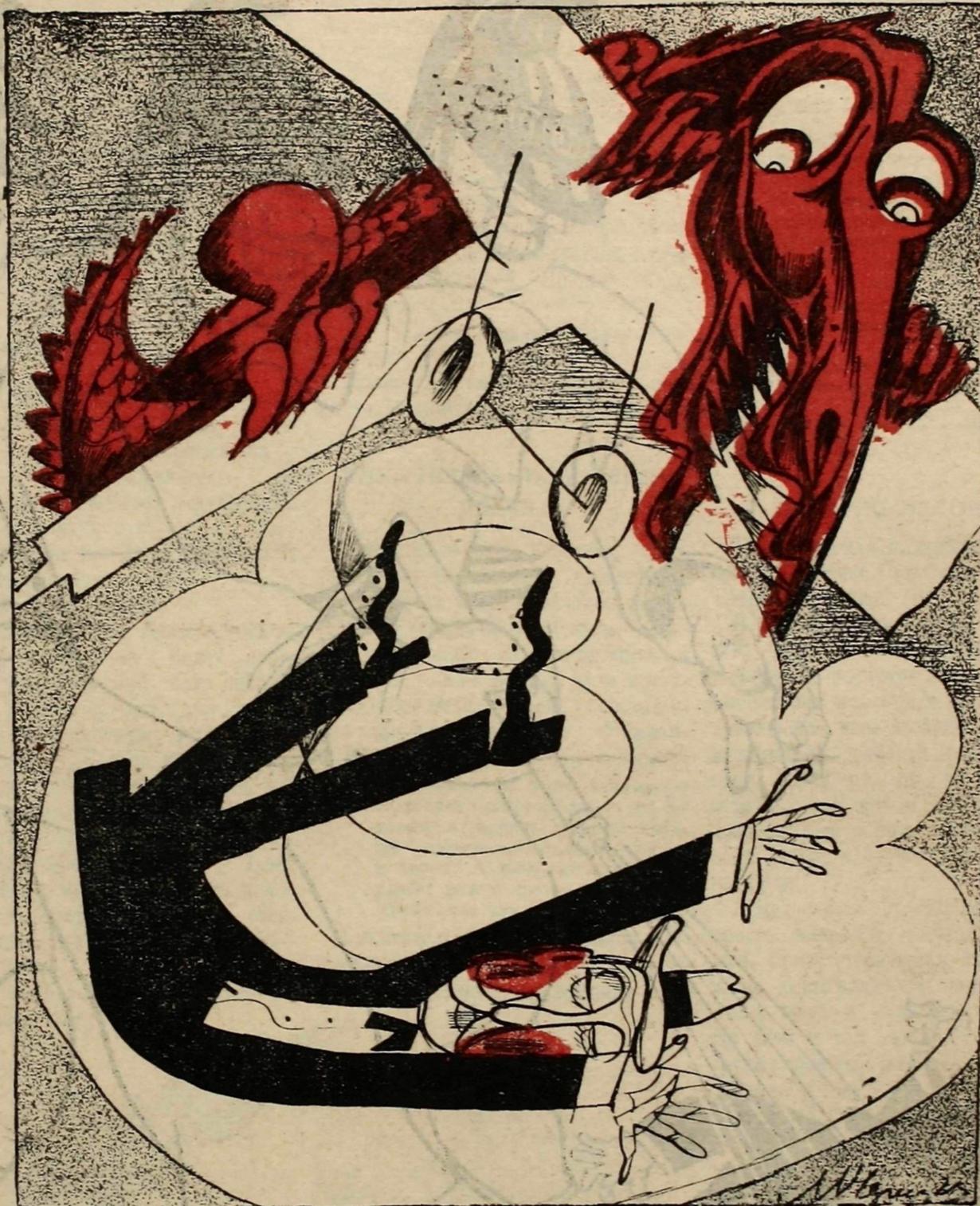
— Попрошу не выражаться! Просесть спокойно не дадут человеку! Не вежи!

В. Нумач.

— „А поэтому жертвуйте на воздушный флот!“

Рис. М. Черемных.

Керзон хочет накинуть мертвую петлю на Россию. (Из газет).

Крокодил (Керзону). Если тебе и удастся сделать „мертвую петлю“ — то

„Письмо в редакцию“.

Гражданин редактор! Только 16 строк!
Поместите, пожалуйста, в Вашем журнале.
Я хочу, что бы в самый кратчайший срок
Все об этом узнали.
Дорогой редактор, это же произвол.
Это же разбой, по судите сами:
Развиваешь торговлю, трудишься, как вол,
Покупаешь банкноты, выигрышные займы—
Всячески поддерживаешь власть,
А нет никакой поблажки!
Что же мне теперь, помилуйте, грабить? красть?
Или нет у меня безработной бумажки?
Если одной им мало, я могу представить две.
Все равно не поверят—из личной мести...
Но простите, я кончил. Дело в том, что в жил т-ве
На меня наложили с июня—двести.

С совершенным почтением

Петр Семгин.

Гражданин РСФСР и Красный купец.

С подл. верно: В. Стариков.

НАМ НУЖНО
мнение наших читателей о журнале
„КРОКОДИЛ“.

Товарищи читатели!

Напишите нам срочно:

1) ЧТО НЕ ПРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“

Какие рисунки?
Какие рассказы?
Какие стихи?

Чего не хватает в „Вилах в бок“ и „Страничке читателя“ и о чем надо больше в них писать?

2) ЧТО ПРАВИТСЯ В „КРОКОДИЛЕ“

Мнение о рисунках.
Мнение о рассказах
Мнение о стихах.

Ответы направлять по адресу:
Москва, Охотный ряд, редакция „Крокодила“.

Рис. Д. Моора.

ЧЕРЗОН: — Да, теперь я вижу, что у них кишка совсем не тонна!

ВИЛЫ В БОК.

Зевуны зевунчики.

В одном из учреждений Крокодил натолкнулся на такую сцену:

Сидят служащие и зевают так, что скулы трещат. Зевают час, другой, третий. В чем дело? Что такое? Не выспались? Оказывается, прошлую ночь спали очень хорошо.

На просьбу Крокодила объяснить столь необычное зевание, зав, зевнув, сунул Крокодилу листок отрывного календаря, в котором было:

Побольше зевайте.

...Зевота—лучший способ дыхательной гимнастики!.. Зевота есть удобное средство для развития и укрепления мускулов шеи и груди...

Желательно такие упражнения (зевание) проделывать раз пятнадцать утром и вечером.

Э!—скажете вы, да это календарь Моспечати! Ошибаетесь. Не Моспечати, а Петронечати. Моспечать это на счет святых и праздничков, а вот Петронечать так она больше на счет зевотины.

А в общем и Мос и Петро одной печати. Скука смертная.

Чебоксарская дисциплина.

Строго партийная дисциплина в Чебоксарах.

Ежели ты пожелаешь жениться, изволь сначала подать заявление в ячейку и уже после обсуждения сего вопроса, после доклада о текущем моменте, можешь идти в ЗАГС и записываться.

Ежели ты болен, твоя обязанность подать заявление в ячейку и она, рассмотрев, определит тебя на курорт или в дом отдыха.

Не сделаешь этого—беда будет. Сначала порицание без занесения в парт. билет, потом с занесением, а потом и выставят, как негодный элемент.

Вот, например, как охраняет секретарь ячейки № 8 Чебоксарской городской организации здоровье членов партии.

Телефограмма. Всем членам и выехать в Москву для получения кандидатам ячейки № 8. Р. К. П. б. бесплатной порции вил в бок.

Сегодня 22 мая в 7 часов вечера назначается внеочередное заседание ячейки по вопросу о международном положении Республики...

...Вместе с тем члены Р. К. П. (б) ячейки, кои за время революции пшатнули свое здоровье обязываются представить заявления в секретариат ячейки с заключением врача для командировки на курорт для излечения.

За неявку... а также непредставление заявлений на лечение будут приняты меры согласно указаний устава Р. К. П. (б).

Секретарь ячейки № 8 П. Смирнов. Интересно, по какому это уставу будет принимать меры тов. Смирнов против уклоняющихся от лечения? Вероятно, по Чебоксарскому.

Начальственный остряк.

Начальник губмилиции Смоленской Миронов необычайно остроумный человек. Обращается местком милиции к нему с просьбой заарендовать в доме отдыха одну—две койки для сотрудников милиции. Начгубмилиции макает перо и, улыбаясь, как запорожец, пишущий ответ турецкому султану, пишет резолюцию:

«Могу предоставить до 5 мест в совхозе милиции. Питание за счет отдыхающих. Бесплатно предоставляю помещение и природу».

Написав сие, начгубмилиции долго хохочет, схватившись за бок.

Крокодил предлагает ему срочно

Конкурсный учитель.

Хотя конкурс на учителей, объявленный «Правдой», закончился, мы уверены в том, что получим премию за представляемого вниманию читателей учителя Лаврова, заведующего школой в Михайловском, Панфиловской волости, Рыбинского уезда.

Биография этого труженика на ниве народного просвещения очень кратка, но выразительна:

«Ранее был в селе Михайловском... дьячком.

Ныне завинкой и председателем райсовета.

В борьбе с пародной темнотой и невежеством Лавров проявил поразительную ловкость. В уезде среди крестьян прошел слух, что советская власть устраивает перепись всех «верующих» на предмет обложения их налогом. Действительно, слух оказался верным. Такой переписчик появился в д. Якунники. Конечно, это был наш ретивый шкраб Лавров. Собрал всех крестьян.

«Верите в бога?»

«Что ты, что ты! — замахали мужики руками, — не верим, вот те христы! Да на што он нам сдался бог-то! А зачем, это мил человек, записуешь?»

— По распоряжению коммунодела, — ответил Лавров и... справился после «переписи» в церковь, где и пел басом, управляя хором. Отношение учащихся к Лаврову самое преданное. В классе на уроках ученики накладывают ему за шиворот... тараканов!

Крокодил с удовольствием прокалывает Лаврова вилами и просит Наркомпрос предоставить ему место в одном из музеев для определения такого чудесного учителя.

Химия! Химия!

Жуткие вещи совершаются на белом свете. Волосы становятся дыбом. Кровь холодеет в жилах. Подумайте только:

Пропал Брянский губотдел профсоюза химиков!

Кошмарная прощанка обнаружилась лишь тогда, когда правление Москуста послало телеграмму в Брянск, прося сообщить цену товарного рубля.

Ответная телеграмма сообщала: за выездом адресата телеграмма не доставлена.

Конечно, мы понимаем, что отвечающие не хотели сказать всю правду. Ходят слухи, что губотдел... испарился. Горе губпрофсовета и ЦК химиков не поддается описанию.

Казанские умники.

До сих пор мы знали о казанских сиротах. Теперь в Казани появились умники. Пока пребывание их обнаружено в окружном вещевом складе Приволжск. военного округа. Вот признак:

Астраханскому Губвоенкомату.

С получением сего прошу немедленно командировать приемщика с надлежащей доберенностью за получением имущества, отпущенного вам по наряду...

В случае не прибытия приемщика чаряд будет аннулирован.

За начсклада Дьяков.

От Астрахани до Казани тысячеверстное расстояние. Билет парходом в два конца стоит около 700 руб. (1923 г.), плюс суточные и т. д.

Какое же имущество должен приемщик взять в Казани и перевезти в Астрахань? Вагон муки? Вагон обмундирования? Ни чего подобного!

Брусков для точки . . . 1 шт.

Токматчиков 1 шт.

И больше ничего! 700 миллионов проезда за получением бруска, стоимость которого в Астрахани 10—15 миллионов.

Этим бы бруском да поточить голы казанским... умникам.

Пристала свинья.

Порою встречаются люди, которые отличаются от обыкновенной скотины только тем, что они... носят галстук. Один из таких галстуконных скотов завелся на рыбном промысле близ Астрахани.

«Местный рыбный спец Иловлев — пишут с промысла — нагло пристаёт со своими любезностями к работникам. Считая себя неотразимым в своем цветном галстуке и шиджаке, он все время вертится среди промысловых баб и говорит им гадости».

Не про этого ли пристающего к работникам «спеца» напечатана в пензенской «Трудовой Правде» след. объявление:

5 мая с. г. пристала свинья бабая, левое ухо разрезано

Впрочем, у вышеупомянутого спеца ухо, кажется, цело. А жаль!

Блюстительница не порядка.

Представьте себе человека, который, получив приказ следить за порядком на улице, начал бы разворачивать трамвайные рельсы, обливать прохожих из брандсбойта и дразнить собак! В этом духе поступает сторожиха Поткина, поставленная для порядка на ст. «Мужвай» в Ижевском районе. Как сообщают

«Поткина на посту занимается торговлей приготовляемого ею самогона «кумышки». Упившиеся тут же устраивают пьяные дебоши и драки. А «блюстительница порядка» ничего против не предпринимает, так как это «ее пьяницы».

Блюстительницу беспорядка следовало бы научить порядку в ближайшем же нарсудном учреждении.

Вежливость не порок.

Тов. Троцкий советует скорее отвыкнуть от сквернословия, вкоренившегося от многолетнего жандармско-полицейского воспитания народа. На многих заводах рабочие вняли совету любимого вождя и принялись за искоренение пьянства. А вот на пермской электростанции, пишут, дело обстоит пока плохо:

«Некоторые рабочие при женщинах выражаются такими цензурными словами, что несколько работниц даже плакали. Заведующий не только не останавливает сквернословов, но и сам иногда такое слово отпустит что-жутко. А когда ему указали на необходимость ликвидировать сквернословие, он задумчиво произнес:

— Что-ж, можно, пожалуй. Вежливость — не порок!»

Во всяком случае, заведующий таким пороком не страдает!

Баба не человек.

Такого мнения придерживаются до сих пор рабочие Присковой волости, Троицкого уезда, Челябинской губ.

В день 8 марта устроен был спектакль-концерт самими женщинами по инициативе делегаток Женотдела. Для выполнения некоторых номеров были приглашены двое мужчин. Когда эти мужчины увидели, что публика только одни женщины, им стало стыдно играть среди них и они решили не показываться и петь: один из-за косяка двери, а другой из-под дивана на сцене.

А может-быть присковские певцы просто напросто испугались своих жен, присутствовавших на концерте и не разыграли ли они водевиль «Злая жена и муж под кроватью». Но если и так, то они порядочные трусы, коли баб боятся!

Стыдно, товарищи!

Ж. О.

Одной из важных причин появления английской ноты нужно считать заключение С. С. С. Р. некоторые нефтяных сделок помимо Англии.

(Из газет).

Рис. Д. Мельникова.

Керзон пишет ноты всю ночь напролет
Перо его нефтью дышет, —

Прочтет, улыбнется и снова прочтет
И снова без отдыха пишет.

(Почти из А. Толстого).

ОШИБКА.

Началось все это почти случайно. С того, что помощник бухгалтера Уисполкома Юрищев неожиданно для себя написал стихотворение:

«Красная кузница».

В стихотворении воспевался рабочий с лицом, как медь, и глазами, как небо, выковывающий железным молотом счастье грядущему миру.

Юрищев четко переписал его и, немного сконфуженный, показал жене.

— Мне лично.—подумав, заявила жена,—вообще не нравится, когда о революции. И напрасно ты, Ванячка, не в свое дело лезешь...

Юрищев обиделся и, спрятав листок, пошел к своему приятелю, счетоводу Брынзе.

— Хорошие стихи,—глубокомысленно заметил Брынза,—необходимо послать в Москву...

— Что ты,—радостно покраснел Юрищев,—станут там тоже печатать всякого провинциала.

— Ваня,—убежденно перебил Брынза.—Толстой и Луначарский начинали так же. Обязательно пошли.

* * *

Юрищев шел с почты, в кармане, в бумажнике лежала тщательно сложенная расписка в приеме заказного письма, был март с зеленым по вечерам небом и четкими ветвями голых каштанов сквера,—в голове у Юрищева роились радостные и легкие мысли.

— И вдруг напечатывают,—размышлял он и представлял себе закрытое, обязательно закрытое письмо редактора. Он мысленно разрывал конверт и словно видел перед глазами четко напечатанное на Ремингтоне обращение:

СМЫЧКА.

Рис. Ив. Малюткина.

КРЕСТЬЯНИН (рабочему).—Какая же это смычка, коли ты мне самогонный аппарат разбил? а? Чем же мы теперь спаваться будем?

Плохие виды на хорошие виды.

«Аркос»—англо-русский кооперативный союз, против которого очень точат зубы английские акулы вроде Уркарта.

Рис. Д. Мельникова.

УРКАРТ:—Я давно имею виды на эти виды Урала, только толку пока не видно: вход туда только через «Аркос».

«Дорогой товарищ Юрищев! Ваши стихи произвели необычайное впечатление на всю литературную Москву. В России, после Пушкина не было такого крупного дарования. Это не только мое, но и ряда современных критиков мнение. Луначарский и Бедный в восторге...»

Кончалось письмо просьбой немедленно телеграфировать в редакцию условия, на которых он, Юри-

Многие фабрики и заводы постановили использовать время летних отпусков для смычки с деревней.

щев, согласился бы работать в журнале и переехать в Москву...

Юрищев сладко зажмурил глаза и медленно шел по тихим улицам уездного города.

* * *

Через две недели пришел ответ. Правда, не отдельным письмом, как этого ждал Юрищев, а в почтовом ящике. Правда, в нем не было и намек на столь часто представляющиеся Юрищеву похвалы, но так или иначе, черным по белому было напечатано:

Заграйск—Юрищеву:

— Стихи пойдут.

* * *

По вечерам Юрищев усиленно писал стихи, а ночью работал над поэмой «Факельщик».

Книги лицевых счетов покоились на просторных полках старых шкафов, в Главной—второй месяц не делалось никаких записей, но можно ли заниматься скучными балансами, когда голова полна творческих и ошьяняющих замыслов. Юрищев купил себе черную широкополую шляпу, и несмотря на протесты жены, снял драповое пальто, и ходил теперь по бульвару в старой, отцовской крылатке.

* * *

Шли месяцы, новые номера журнала аккуратно приходили в Заграйск, Юрищев, нервничая, покупал их на вокзале (там они получались раньше, чем в городе), нетерпеливо разрезывал и жадно прочитывал все, вплоть до объявлений.

Но... «Красной Кузницы» не было. Не было и ответа на последующие посылки...

Юрищев хмурился и отправлялся домой. А дома ждали обычные сцены.

Жена с вечно заплаканными глазами начинала причитать, еле успев открыть дверь. В столовой сидел тесть и злобно говорил:

— Стыдились бы, молодой человек! Службу бросили, глупостями занимаетесь. Стыд, можно сказать, и срам...

* * *

В июне Юрищев разошелся с женой.

— Понимаешь ли,—говорил он Брынзе,—я не могу жить с этой мешапкой. И вообще вся эта атмосфера меня гнетет.

Брынза сочувственно жал ему руку и советовал немедленно ехать в Москву.

— Подумай только,—уверенно доказывал он Юрищеву,—первое же стихотворение приняли. А то, что пока не напечатали, это, брат, глупости. Всегда так бывает. Технические условия, брат, и все...

И друзья заснивались до глубокой ночи...

* * *

В конце концов, Юрищев простился с Заграйском. Он первый раз в жизни ехал в Москву, но это его не смущало. Так или иначе, в Москве предстояла жизнь, полная захватывающих перспектив. В Москве ждало его литературное имя, успех, интересная среда, богема, редакции—все то, что так часто представляли они себе вдвоем с Брынзой.

И когда Юрищев взволнованно поднялся на третий этаж в редакцию, он несколько минут не решался войти в комнату и стоял у двери с надписью «секретарь», замирал от сладостных предчувствий.

Он поборол себя и, открыв дверь, увидел склонившуюся над столом мрачную фигуру секретаря.

— Я—Юрищев,—сказал он, и, как ни странно, на скучающем лице сидевшего не отразилось ни тени удивления и радости.

— Простите,—поморщился тот:—не узнаю...

— Юрищев, автор стихотворения «Красная Кузница»,—уже растерянно повторил Юрищев.

— Извините,—отрезал секретарь:—если насчет стихов, то не раньше, чем через неделю...

Юрищев пришел через неделю, пришел и через две и только через три узнал, что стихи приняты не были и лишь в типографии, по ошибке вместо: «не пойдут», набрали «пойдут».

Н. Кремлев.

Черные да будут красными!

В некоторых штатах Америки эксплуатация негров достигла высшего предела. По существу рабовладельчество не уничтожено. С неграми поступают хуже, чем с животными.

Рис. М. Черемных.

Мир хижинам дяди Тома, война дворцам Гардингов!

Библиотека „Крокодил“ • „БАЛДА“ и др. сказки для взрослых. —
Вас. ЛЕБЕДЕВ. „Портрет гражданина Неудобнова“ и др. рассказы.

ДАЧА.

„А счастье было так возможно“.
(Пушкин).

Котельников, токарь по металлу, почувствовал весною невероятную усталость и резь в боку. В фабзавкоме ему посоветовали:

— Обратитесь к нашему врачу. Прием по понедельникам и четвергам от 4—6 вечера.

Доктор пощупал пульс, приложил ухо к груди и сказал:

— Вам нужен отдых и деревенский воздух. Соответствующее питание, конечно. Вот и все! Котельников в фабзавком:

— Так и так, мне на дачу надо. Пособите!

Секретарь фабзавкома ответил коротко:

— Что-ж: можно. Вот в газете пишут, что за рабочими фабрично-заводских предприятий оставлено 29.347 дач.

И написал отношение в Здравотдел:

— «Податель сего, Котельников, токарь по металлу, действительно нуждается в даче, что удостоверено врачом, подписями и приложением печати. А посему на основании вышеизложенного и ходатайствуем о предоставлении тов. Котельникову одной из 29347 дач Наркомздрава, оставленных за т.т. рабочими».

В Здравотделе Управделами лечебного подотдела принял заявление фабзавкома, проставил № и занес в исходящую.

Котельников спросил:

— Ну?

А секретарь сердито заметил:

— Нечего пукать. Таких заявлений у нас несколько сот. Приходите через 2 недели.

Через 2 недели Котельникову сказали:

— Мы посторонним врачам не доверяем. Вам необходимо освидетельствоваться у нашего врача, специально для этой цели выделенного.

У врача велась запись. Котельникову пришлось ждать своей очереди 12 дней.

Врач смотрел его долго, велел дышать часто, совсем не дышать, кашлянуть. Потом заявил:

— Я вас пошлю в городскую больницу на испытание. У вас несомненно повышенная усталость и даже признаки начинающегося легочного процесса. Но в интересах врачебной статистики болезнь должна быть зафиксирована с самыми точными симптомами.

Котельников понял только то, что его на некоторое время посылают в больницу.

В больнице каждый день к его койке подходили другие люди: в золотых очках, без очков, в хала-

ПАТЕНТОВАННЫЕ „УМНИКИ“.

Рис. Д. Мельникова.

В Ташкенте члену Новгородского Исполкома предложили взять патент, как лицу занимающемуся «свободной профессией». (Из газет).

МИЛИЦИОНЕР (члену Исполкома) — Будьте добры взять патент!
ЧЛЕН ИСПОЛКОМА — Выдайте лучше вашим налоговым инспекторам патент на глупость!

тах, пиджаках, куртках. И сестра всем участливо рассказывала:

— Хочет одну из 29347 дач Наркомздрава. Вот уже четвертую неделю лежит, бедненький!

Котельникова шупали, мазали, тепло накрывали, поили какими-то отвратительными каплями.

Когда его выпустили, он еле шевелил ногами. отвык ходить. Добрался кое-как до Здравотдела: а там ему торжественно сообщили:

— Ваша болезнь установлена точно. Вам дача действительно нужна. Но в нашем распоряжении дачи в разных пунктах. Особая комиссия, заседания которой происходят по субботам, определит, куда вам по роду вашей болезни полезнее всего ехать.

Через одну неделю Котельников получил ордер на дачу в сосновом лесу. Бек назойливо ныл. Накрапывал осенний дождик. М. Осипович.

ДАВАЙТЕ ЛЕТАТЬ.

Лошадь ступит поларшина,
Паровоз пройдет версту —
Еропланная машина
Всех обгонит на лету.

Я послала Васе ноту:
— Замуж выйти я не прочь,
Если ты воздухофлоту
Согласишься всем помочь.

— Где Вавила? — я спросила.
Мне ответил дед Иван:
— Тучи гонят твой Вавила...
Вон вверху азроплан.

Бьет орел любую птицу,
Коршун сверху дятла стреб,
Красной рати нужно взвиться,
Чтоб вогнать Антанту в гроб.

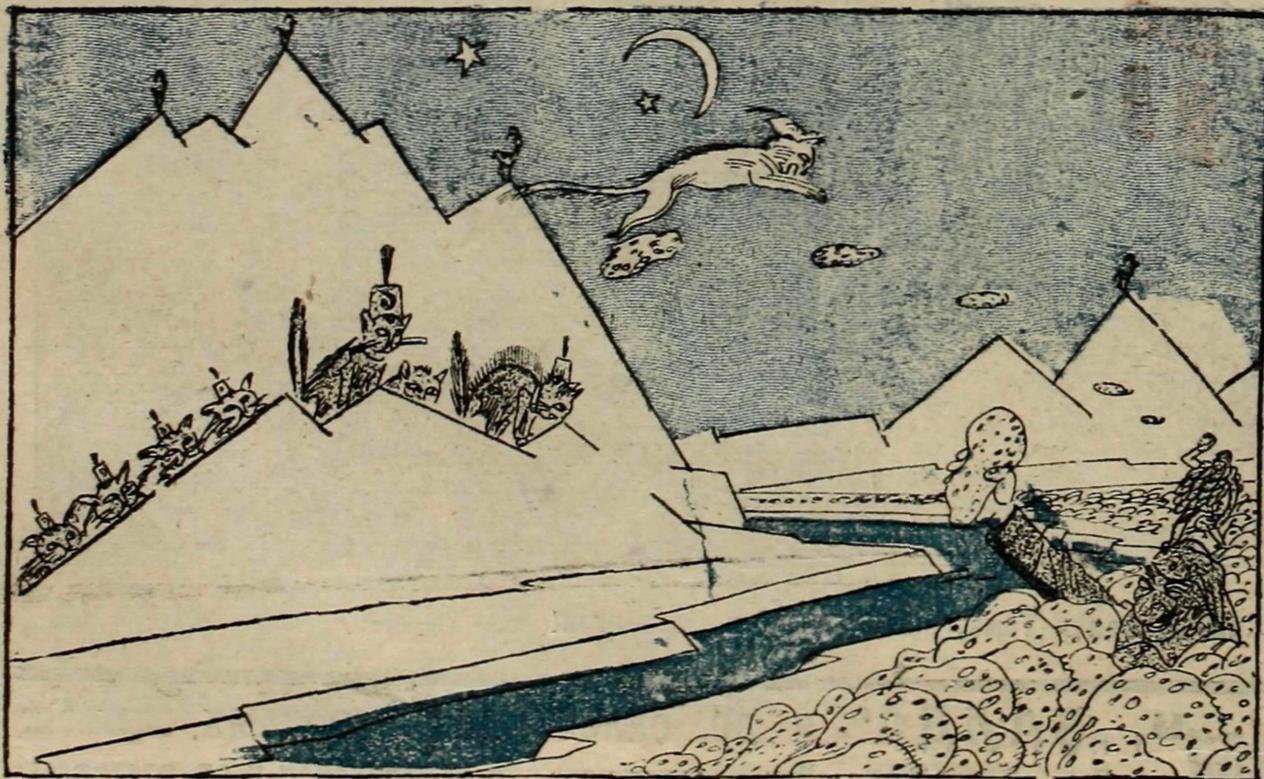
Мне не мил теперь мой милый —
Он постригся, точно Фош.
На полеты Крокодилу
Я пошлю последний грош.

В. Кумач.

ГУБКАМИ ЗАКИДАЕМ.

Греция сосредотачивает войска на границе Турции.

Рис. Д. Мельникова.

Греческие губки и ангорские зубки.

ВЫХОДИТ НОВАЯ КНИГА
В ИЗДАНИИ
„КРОКОДИЛА“:
Демьян Бедный.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
1910—1922 г.г.
В ОДНОМ ТОМЕ.
С ПОРТРЕТОМ АВТОРА.
КРАСОЧНАЯ ОБЛОЖКА.

Тракторная настойка.

Излишек хлеба на сумму 323 миллиона золотых рублей обращается в самогонку. Нам выгоднее продать этот хлеб за границу и купить там тракторов, машин и пр.

Рис. Д. Моора.

(Из газет).

— Я один за этот год пропил полтора трактора, а плужков и не счаст! —

Рис. Ив. Малютина.

— Граждане избиратели! Жил я праведно, в церковь ходил каждое воскресенье! Храм свой привел в полное благолепие, можете у отца Симеона спросить. А если я когда и заходил — тьфу, тьфу! — в Моссовет, то больше за жалованьем. Надо же питаться!

Из архива „Крокодила“.

„Да“ или „нет“.

(Г. Инсар Пензенской губ.)

Сообщу безобразия местной власти, хотя по этому поводу уже имеется дознание, но считаю не излишним сообщить те несообразности, которые наблюдаются в провинции. Эти некорректные фразы пришлось услышать от сельских девушек, которые жалуются на насилие местной власти.

Дело это происходило таким образом: по требованию Инсарского Уотдела труда были вызваны гражданки—девушки села Поришской-слободы, Инсарского уезда, Пензенской губ. Мария Леонтьевна Наумова и Наталья Михайловна Безрукова в уезд-

ный город. Эти предписания и требования, конечно, были совмещены с производившейся тогда кампанией по распилке дров. Придя, эти выше-названные гражданки в Уотдел труда, были опрошены Зав. Уотделом труда Инсарского Уисполкома Иваном Ефимовичем Ступеньковым и его сотрудником Василием Федоровичем Черновым. Опросы безусловно соответствовали духу времени, но после некоторого времени предложили им такого сорта вопрос. Вопрос был таков: что если хотите освободиться от тяжелой работы, то мы подействуем вашему положению, только с тем условием если вы ответите нам два слова «да» или «нет». Вообще девушки провинциалки на это смот-

рят совсем иначе нежели городские. После некоторых колебаний согласились на последнее вышеуказанное слово в кавычках. Они же, воспользовавшись случаем, всячески старались и производили насилие, имея ввиду целую ночь.

Вдобавок должен отметить, что приходилось слышать со стороны крестьян недовольства на грубые обращения уполномоченных от уезда.

Никогда нельзя было ожидать таких обращений со стороны уполномоченного от Уотдела труда тов. Курданова. Все таки он, не обращая на свое звание, посмел опозорить «имя гражданина». Грубости даже доходили до самых мизерных обращений, как то: ты «дурак». Эти обращения пришлось слышать от

крестьян села Поришской-слободы, которые часто обращались к нему, как к лицу, посланному от Уотдела труда по проведению кампании по распилке дров.

Культурная и просветительная работа ведутся страшно плохо, ввиду неимения хороших работников. Школы тоже самое находятся в плохих условиях, что основывается на недостатках в учебных пособиях.

Курсант отпускник

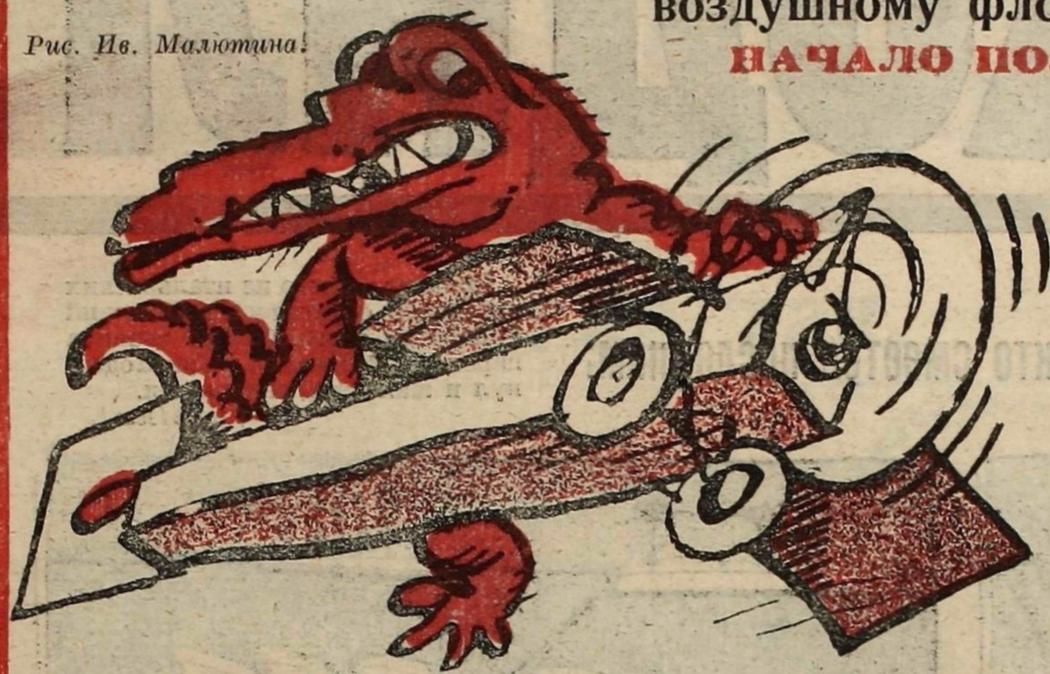
В. Крылов.

«Крокодил» тоже предлагает кому ведать надлежит такого сорта вопрос: «да», или «нет»?

Это как насчет уотдела труда, так и политпросвет работы—есть ли какое улучшение, или нет?

ЧИТАТЕЛИ! Когда „Крокодил“ подарит красному воздушному флоту аэроплан? НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО.

Рис. Ив. Малюткина.

По сегодняшний день
в редакцию поступило
около 20.000 руб.

Это только первый
камень.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Кто из читателей еще
не откликнулся на
призыв „Крокодила“?

ЕЩЕ НЕ ПОЗДНО.

**ТВОЙ ДОЛГ СЕГОДНЯ
ЖЕ ОТПРАВИТЬ СВОЙ
ВЗНОС!**

Бережливое начальство.

Дорогой товарищ Крокодил!
«Рабочая Газета» сообщает, что ты принимал самое живейшее участие в праздновании Международного Пролетарского праздника 1 мая.

Челябинское Губземууправление тоже «праздновало»...

На манифестацию явилась только половина сотрудников. А вот на вечер с угощением с танцами, устроенном в тот же вечер, присутствовали все.

Повернуться, говорят, негде было... Израсходовали на это удовольствие «пустяк»—3000 руб. Средства были отпущены по распоряжению Начальника Губземууправления...

Этот же самый начальник Губземууправления на предложение Челябинского Губотдела Всеработземлеса принять участие в создании фонда помощи студентам-рабфаковцам написал раньше резолюцию: «За неимением средств отказать».

Остро нуждающиеся рабфаковцы благодарят за такую помощь и спрашивают: «Не имеешь ли ты тов. Крокодил желания закусить Начальником Челябинского Губземууправления и заодно с ним и комиссией по устройству угощения... Ведь тебе всякую нечисть не привыкать есть, а по комплекции, эти все—народушпитанный...»
Челябинский.

Единение... за самогоном.

Было это на ст. Миас Сам. Златоуст. дороги. Приехали из города на станцию два попа славить Пасху и зашли к старому знакомому—колбаснику. У колбасника были в гостях еще два приятеля—только с другой стороны—коммунисты.

В трогательном единении повели праздничный вечерок представители компартии, нэпа и «живой», повидимому, церкви, уничтожая в огромном количестве зелье, «кое и коммунисты приемлют»...

Письмо из Самары.

Тов. Крокодил.

Ткни, пожалуйста, вилами: Механико-Техническое издательство при Научно-Техническом отделе ВСНХ за то, чтобы они не издавали брошюры, которые никому не нужны (да еще перевод с английского языка), и которые решительно ничего не дают. Как образец никудашной литературы, посмотри изданную брошюру первой серии второго выпуска—«Как нужно работать на токарном станке», в которой даются очень обидные указания и ничего научного.

По моему, это преступление—вводить в ненужный расход Республику; кроме того, что это служит дурным примером.

Рабочие, начитались этого руководства, некоторые из них решились сами издавать кое-какие указания и один уже принес в Союз металлистов «Руководство по письмоводству и счетоводству», в котором рекомендуется всем канцелярским работникам:

1) Не следует забывать обмакнуть перо в чернильницу перед тем, как думаешь писать.

2) Всегда нужно начинать писать с верхнего края листа бумаги а не наоборот.

3) Не следует писать на второй стороне листа, не просушив чернила первой страницы.

4) При работе карандашом необходимо его заточить так, чтобы сердцевина обнажилась.

5) Нужно особенно твердо помнить, что на счетах косточки класть от правой руки к левой, а при вычитании—наоборот.

6) Никогда не следует счетами заклеивать в стену гвозди, особенно восьмидюймовые; и так далее до 100 пунктов, при чем для наглядности масса чертежей и рисунков различных систем перьев, ручек, карандашей и др. принадлежностей.

Я этого рабочего уговорил, он отказался издавать. Попробуй, тов. Крокодил, может-быть, и тебе удастся это сделать без вила, а если уже дойдет дело до вила, то рекомендую вилы брать так, чтобы рожки их были направлены непременно в сторону издателей и брать нужно за ручку, а не за рожки.

Металлист.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

МОСКВА.

Пе-тро.

«Получил когда отставку. На базаре открыл лавку. Называется краскуп. И отращивает пуп».

Странное, однако, занятие. Только вряд ли успешное.

Яковенко. За средствами для уничтожения тараканов есть некоторый смысл все-таки обратиться в аптеку, а не в Крокодил.

Карасеву. Юмористические рассказы делаются чрезвычайно просто. Вот как их делает Карасев:

«Встречному прохожему Жулио, скуки ради, дал по шее.

«Жулио подошел к встречному и подставил ему под глазом «фонарь».

«Жулио ударил господина по котелку, который, отлетев далеко, упал в лужу».

Остальное в том же духе. Все тот же непринужденный и беззаботный юмор. А еще говорят, что русские не умеют смеяться.

А. Кольницкому. Кольницкий пишет: «мне не раз приходилось слышать о том, какие неудобства испытывают женщины из-за отсутствия специальных уборных».

Мы-то тут причем. Обратитесь в МУНИ, ежели женщины сделали вас своим поверенным.

ПРОВИНЦИЯ.

Г. Сычевка. — Грядущему. «Прошу редакцию в случае желания поместить карикатуры «Похотливый Пуанкашка» и «Пояс Венеры» выслать за них 400 руб.»

Не согласны и на бесплатное помещение.

Екатеринослаз. — Рожанскому. Присланное не пойдет. Попробуйте еще.

Тула. — Нузнецову. Надеюсь, что вы принимаете произведения по их достоинству...

Иногда случается, что «по их до достоинству» приходится не принимать.

Рубцов (Алтайск. губ.).—Б. Н. А заведывающий матскладом Славный парень—франт-а-франт. Пальцы в блеске, рожа в лоске И костюм «а ля Париж».

Заведывающий плох, но стихи еще хуже.

Лозовая. — Шляпову. Писать вы можете. Только не нужно писать под Чехова. Чехов прекрасно ловил свой быт, а вы должны ловить не чеховский быт, а современный, советский.

Гомель. — Искра. Потухни искра и не называйся больше таким благородным именем. Стидно.

Серпухов. — Турчину. «Заранее знаю, что в вашей корзинке есть место для моего письма».

До чего народ пошел чудной: знают и посылают.

Петрозаводск. — С. Понкратову. Вашего «Унтера Пришибева» используем. Шлите еще материал.

Чита. — Аво. «Один из многих» — написан слишком длинно и невразумительно. Нельзя на 10-ти страницах рассказывать о том, какой в Чите плохой есть бухгалтер. Это в 10 строках сделать можно.

Туансе. — А. Кургину. Обязательно присылайте еще. Ждем.

Армавир. — Ф. Щ. Зачем скрываться за такими буквами. Ведь мы знаем, что вы Федор Докукин из Чонгарской дивизии. По почерку узнали. Пишите еще.

С. Макулино. — Домовых. Стихи для сатирического журнала не годятся.

Тула. — М—ву. М—в пишет: «Революцией ход его жизни был рушен».

И со страху он умер. Записали покойную душу В записке под тысячный номер».

На этом и остановились. Дальше не читали.

Г. Глазов. — Лыскову. «Кумыш-коварение» для Крокодила слишком растянута.

Красный Яр. — С. Коняеву. Нужны факты.

Иваново-Вознесенск. — Вс. Несчастливцеву. Разные бывают частушки. Бывают и такие:

«И какой же он простуший Не имеет нежных слов; Соврабов глотает пуце, Непачей хорош улов».

Совсем хорошо было бы. Только что за «с о в р а б ы» такие. А то еще одно прекрасное слово есть: с о в г р а ф о м а н ы.

С. Сороча (Кемского уезда). — Кузьме Недосоленному. Немного не до солили.

Орехово-Зуево. — Номсомэльцу. Напомните Терентьеву, что Крокодил зубаст и к вам в Орехово-Зуево собирается.

Сормово. — Биткину. Для «Крокодила» слишком длинно.

С. Гулькевичи. (Кубчеробла-сти). — Д—ву. Факт слишком мелок. Пишите еще.

Юзовка. — Крокодиленку. Усыновляем, ищите.

С. Ханжонково. — Жердеву. Вообще говоря, в русском языке слов «Повлезли» и «эпитетовские» нет.

Юзовка. — Шаталову. Стихотворение по теме опоздало. Ответы в «Почтовом ящике» даются с опозданиями по техническим причинам (затеряны в печати и рассылке).

Миасс. — Зинченко. «Ответ на ноту Керзона» опоздал.

Редактор—Ред. Коллегия.
Издание „Рабочей Газеты“.
МОСКВА, Охотный ряд.

КРОКОДИЛ

Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Команда одного из итальянских пароходов обратилась в Одесский Райкомвод с жалобой на хозяина парохода. Райкомвод хозяина одернул и жалобу удовлетворил.
(Из газет).

Илл. Д. Мельникова.

Матросы (хозяину)—А ну-ка иди к ответу!
Хозяин—Ладно! Теперь ваша взяла! Вот подождите, в Неаполь приедем!

Хозяин (матросам)—А ну-ка пожалуйста к ответу! Ага!
Матросы:—Ладно! Теперь твоя взяла! Только особенно не радуйся,—скоро опять в Одессе будем!

Хозяин:— Хорошо же, черти! Уже и покажу же я вам, когда мы в Неаполь вернемся—всех под расстрел подведу!

Но... хозяин предполагает, а история располагает. Когда пароход вернулся в Италию — там уже был свой итальянский Райкомвод!